

КОНСТАНТИН
СТОГНИЙ

УТЕРЯННОЕ
ЕВАНГЕЛИЕ

КНИГА 1

Харьков
«ФОЛИО»
2018

Голодные и злые

Глава 1

МОРЕ НЕ ПРОЩАЕТ ОШИБОК

Тонкая дымка заволокла горизонт, сливаясь воедино с поверхностью воды. Море плавно переходило в небо, или небо — в море...

...Пара странствующих альбатросов мерно парила в беспорядочных потоках восходящего воздуха. Гордые хозяева бескрайних небесных просторов, они почти никогда не бывают на суше. Их стихия — Мировой океан. Путь их лежал в родные места, где пернатые однолюбы, способные перемахнуть через Атлантику за пару недель, воспроизведут потомство. А пока внизу расстилалась водная пустыня Индийского океана и до заветной цели было далеко. Но это не беда. Устав, можно вздремнуть на волнах, спустившись вниз, а в случае голода зоркий глаз всегда углядит добычу с невероятной высоты.

Гигантская птица, сложив свои пестрые двухметровые крылья, стрелой ринулась в воду. Там, в глубине, тысячу пестрых спинок струился косяк жирной макрели — самой вкусной морской еды. Альбатрос почти без брызг нырнул в воду, как хороший прыгун с вышки, и с легкостью пронзил глубину в пять метров, ухватив крепким, слегка загнутым хищным клювом крупную рыбину. Сейчас хозяин этих морей вынырнет с добычей на поверхность и обязательно поделится ею со своей возлюбленной...

...Но кто-то решил иначе. Ниоткуда и вдруг появилась громадная черная тень. Широкое чудовищное жерло хищника захватило альбатроса целиком. Десятиметровый самец касатки, торжествуя, вынырнул из воды и показал свое огромное белое брюхо. Из его пасти меж острых зубов торчали только две когтистые лапы и кончики таких роскошных

еще несколько секунд назад пестрых крыльев странствующего пернатого рыцаря.

Пронзительный крик подруги альбатроса разорвал воздух. Несчастливая птица носилась вокруг места трагедии кругами еще несколько минут. Наконец, поняв, что потеряла любимого навсегда, она так же плавно, как и прежде, но уже одна исчезла в сизой дали...

— Море не прощает ошибок.

Крепкий чернобородый капитан, облокотившись на железный парапет, задумчиво выпустил дым через нос.

— Плохая примета, — отозвался старший помощник, понимая, что разговор с начальником предстоит серьезный.

Уже третью неделю сухогруз «Карина» выполнял свой очередной международный рейс, выйдя из порта «Ильичевск» еще четвертого сентября. Куда лежал их маршрут? Об этом знали только капитан и старпом. Негласный закон коммерческого рейса — минимум информации. Моряки — народ неприхотливый: не говорят, значит, так нужно. Обычно информация о грузе на борту так или иначе просачивается и к концу командировки все уже знают, что и куда везут. Но это плавание было не таким, как всегда. С самого начала команда прибыла на уже груженное судно, а позднее выяснилось, что о содержании трюмов не знает даже старпом. Это было удивительно.

Со временем удивление переросло в тревогу, а тревога — в перешептывания между членами команды. Кто-то заметил, что капитан судна Владислав Колобов подолгу не выходит из своей каюты, практически не шутит, когда общается с коллективом. А техник, матрос Богомол, случайно проходивший мимо контейнеров и громадных ящиков, обтянутых брезентом, был готов поклясться, что знает этот запах. Запах «свежей» военной техники, залитой солидом...

— Брешь, Васька! — восклицал насмешливый старпом.

— Не брешь, Виталий Семеныч, я этот запах на всю жизнь запомнил. Я в танковых войсках служил, Т-72 с закрытыми глазами соберу и разберу, — доказывая свою правоту, начал хвастаться молодой матрос. — Я, как тот солдат в фильме: с танками разговаривать могу...

Но Виталий уже не слушал его. На его памяти приходилось возить всякое, но чтоб вот так... тяжелую военную технику... Это было слишком. Поэтому сегодня, выйдя покурить с капитаном один на один, он намеревался услышать от него вразумительный ответ на волновавший всех вопрос.

Пятидесятилетний старпом-одессит Виталий Сокольский, некогда жгучий брюнет, а ныне подпернутый сединой морской волк, будто сошел с картинки, на которой изображена старая просоленная рыбацкая шхуна, а он у штурвала подгоняет рыбаков, поспешно выбирающих прыгающую кефаль из трала: «А ну, живее, тюльки-селетки! А ну, не рассуждать! Ша, рыба, почищу!!!»

— Влад, я ведь не пальцем деланный, — саркастически улыбаясь, заметил бывалый моряк.

— ...Да знаю я, — с досадой оборвал старого товарища Колобов.

Капитан действительно знал, что послужной список старпома куда больше, чем у него самого, просто что-то в жизни не сложилось. Виталий Сокольский ходил в заграничные плавания еще тогда, когда самым ценным качеством моряка была партийность, а основным заработком — привезенная из-за границы «контрабанда»: лишняя пара джинсов, модные грампластинки. А при неудачном стечении обстоятельств можно было схлопотать срок за женское белье и даже обыкновенную жвачку «Тутти-Фрутти». Обманывать старого товарища было бесполезно.

— Мне за этот груз голову снимут, если что...

— Если... что? — переспросил Сокольский, прищурившись.

— Если не довезем.

— А если довезем, значит, не снимут?

Колобов вдруг посмотрел своему старшему помощнику прямо в глаза. Во взгляде капитана были растерянность, боль, сожаление — дескать, связался на свою голову.

— Да ты расскажи, Владичек, — мягко, по-одесски «подкатил» к капитану Виталий. — Тебе ж легче станет.

Колобов молчал, не решаясь выложить Сокольскому всю правду. На его совсем еще не старом лице образовалась глубокая морщина между бровями.

Сокольский вынул из помятой пачки сигарету и, подкурив, глубоко затянулся.

— Танки везем?.. — спросил он спокойно после короткой паузы.

— ...И не только, — наконец выдохнул капитан, забывая свою трубку заново.

— А конвой, как я понимаю, не дали?.. — начал Виталий.

Капитан, выпустив плотное облако дыма, промолчал, из чего старпом понял: Колобов, как и весь экипаж судна, стали заложниками в чьей-то игре.

Ветер крепчал, а мужчины все курили и курили, какое-то время сохраняя молчание.

— ...Мне позвонили за сутки до рейса. Сказали, что груз секретный, — после долгой паузы начал свой рассказ Колобов. — ...А по документам идет как сопутствующие товары. Я сразу понял, что оруж...

Владислав сглотнул подкатывающий к горлу ком. Слово «оружие» ему так и не далось.

— Ну, в общем... Спрашиваю, а кто охранять будет? — продолжил капитан. — А мне в ответ: мол, охрана привлечет внимание, начнутся вопросы, а груз — секретный. Его нужно доставить без огласки.

— Не мог послать этого судовладельца подальше? — возмущился Сокольский. — Ты, в конце концов, лицо государственное и даже юридическое...

— ...«Государство» и позвонило, — перебил капитан.

Виталий застыл, приоткрыв рот. Он хорошо знал правовую базу капитана судна. За груз, сохранность корабля и экипажа отвечает капитан, и только капитан. Никто, даже судовладелец, не имеет права подвергать опасности моряков. Но в этот раз дело было не в судовладельце, а в тех, кто представляет государство...

— Ах ты ж... шмель мохнатый... — произнес Виталий, и его лицо приняло выражение обиженного ребенка. Так, наверное, обижаются сильные мужчины.

— А как же люди?

— Да когда у нас о людях думали, Виталь? — горько усмехнувшись, отозвался Колобов.

— Я еще помню те времена, когда думали... — задумчиво ответил Сокольский.

Старпом вдруг спохватился, будто от его активной деятельности что-то зависело.

— Ладно, капитан... Как считаешь, проскочим?

— Должны. До берега 260 миль. Пираты сюда не сунутся. Далеко... И до порта назначения сутки, не больше... Да и о грузе знаем только мы с тобой.

Надежды Владислава развеял голос первого помощника, раздавшийся из рации: «Справа по борту в сторону «Карины» движутся два плавсредства с вооруженными людьми». Капитан и старпом растерянно переглянулись и подняли бинокли. В десяти кабельтовых от «Карины» бороздили воды два бота средней величины и на мощных двигателях. В каждом из них сидели не менее десяти африканцев. Все они были вооружены автоматами и ручными пулеметами.

— Только мы с тобой знали, говоришь? — горько усмехнулся Сокольский.

...Уже через несколько секунд экипаж «Карины» носился по палубе, выполняя четкие команды капитана. Владислав Колобов пользовался непререкаемым авторитетом, как и следует настоящему лидеру. Крепкий, высокий, моложавый, внешне добирающий солидности благодаря своей черной бороде, в свои тридцать пять лет Колобов обладал крепким мужским характером и морское дело знал чуть хуже Нептуна — и то лишь потому, что много курил, как шутили матросы. С этим парнем, родом откуда-то из России, каждый из членов команды был готов в огонь и в воду. Оказавшись один на один со стихией, люди, как правило, забывают о национальностях и странах. Порой даже языковой барьер нивелируется перед лицом общих трудностей. А в случае «Карины», с ее украинским экипажем и российским капитаном, языковых барьеров не было вовсе.

Уже стоя на капитанском мостике, Колобов отдал приказ: «Самый полный вперед!»

Огнестрельного оружия членам экипажа гражданского судна не полагалось. Оставалось одно: побег. Сухогруз набрал полный ход, и Колобов, прекрасно знавший судовож-

дение, стал за штурвал лично, не забывая при этом руководить экипажем. Как тут не вспомнить славных штурманов прошлого, умело управляющих парусами и уводивших свои шхуны от разбойных нападений пиратов иногда и против ветра... Но и на полном ходу, со скоростью в 17 узлов, «Карина» двигалась вдвое медленнее пиратских ботов, и два десятка бандитов неминуемо настигали украинских моряков.

— Рация! Не сказали радисту! — вдруг опомнился стоящий рядом с капитаном старпом.

— Нельзя-а-а, — простонал Колобов. — Никто не должен знать.

— Да ты что, Влад!.. — возмущению Сокольского не было предела.

Но Колобов не слышал его. Он раздавал указания то боцману, то первому и второму помощникам и техникам машинного отделения.

Сомалийские пираты, о которых моряки до этого слышали только из международных новостей, подошли на расстояние не больше пятидесяти метров. Послышались первые автоматные очереди, словно требующие от экипажа сухогруза остановиться.

— Стоп, машина! — скомандовал Колобов.

«Карина» постепенно замедлила ход и наконец прекратила движение. Самые ловкие из пиратов, закинув «кошки» на тринадцатиметровую высоту борта, принялись подниматься на палубу судна.

— Брандспойты, к бою! — скомандовал капитан, и неожиданно для непрошенных гостей матросы, стоящие на палубе, стали сбивать карабкающихся бандитов водой, словно жители осажденного средневекового города-крепости. Первая атака сомалийцев была сбита, и Колобов, вздохнув с облегчением, скомандовал:

— Полный!..

...Как вдруг получил удар прикладом в спину и упал грудью на панель приборов. Сзади него стоял невысокого роста негр с длинными «дредами» и автоматом в широких и крепких руках.

— Приплыли... — на ломаном английском сказал он и криво усмехнулся.

Очевидно, часть пиратов вскарабкалась на судно с другого борта. Все случилось так быстро, что стоящий рядом старпом Сокольский даже не успел удивиться. Он только почувствовал, как под лопатку ему уперся ствол автомата.

— Гибель альбатроса — плохая примета, — в крайнем отчаянии только и произнес он.

— Море не прощает ошибок... — соглашаясь с ним, сипло ответил лежащий на приборах капитан...

Глава 2

«И ДЫМ ОТЕЧЕСТВА...»

...воздух другой. А небо голубее... И земля зеленее...» Все, как в хорошем старом кино. Родина... В этом году украинский журналист Виктор Лавров решил провести отпуск, не выезжая за рубеж. Он был сыт по горло островами с аборигенами, жаркими и не очень странами со всей их экзотикой. Кроме того, зная все плюсы и минусы «солнечного рая», начиная с людей и заканчивая вредными насекомыми, свой долгожданный отпуск Лавров ни в одном из этих мест не проводил и никому бы не советовал.

А здесь, в глубине родной Украины, в Яблунивке... Здесь даже петухи кричат по-другому, по-свойски... А как пахнет подсохшей скошенной травой с лугов или паленым керосином из примуса, на котором крикливая соседка варит обед для поросят — вообще больше никуда не хочется. Вспоминаются старенькая бабушка с крынкой вечернего молока, ее хатка с аккуратной соломенной крышей и разноцветные половички по всему дому. Кружевные вышитые полотенца-рушники: «Ось моя робота. Вишивати колись була охота», — аккуратные уютные подушечки на старых панцирных кроватях, образа святого Серафима и Николая Чудотворца в углу...

...Уже старушки нет много лет, остались одни воспоминания. Но детство, лучше которого ничего не было... «Эх, как